

К ПРОБЛЕМЕ “ХРИСТОЛОГИИ” В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА 1910-Х ГОДОВ

В лирике Есенина 1914-1915 годов есть стихотворение, которое, на наш взгляд, не получило достаточно адекватного истолкования, - “Шел Господь пытатъ людей в любви...”. В нем Бог в облике нищего сходит на землю и встречает по дороге деда, который “на пне сухом в дуброве жамкал деснами зачерствелую пышку”:

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: “Вишь, какой убогой, -
Знать, от голода качается болезный”.

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
“На, пожуй... маленько крепче будешь”.

(“Шел Господь пытатъ людей в любви...”, 1914)¹

Это притча о встрече Бога и мужика как представителей двух “сил” — небесной и земной, которые равновелики и равносущны друг другу. Не случайно их встреча происходит в “дуброве”, что отсылает к символике священной дубовой рощи, занимающей столь важное место в славянской мифологии.

О том, что эта символика была прочно укоренена в так называемом народном православии, говорят исторические факты: “Почитание дубов у восточных славян до XVIII-XIX вв. сохраняло кое-где религиозный характер: возле них служили молебны, совершали бракосочетание, обращались к ним в заговорах, приписывая им целительную силу. Духовный регламент (1721) констатировал, что некие “попы с народом молебствуют перед дубом, и ветви оногo дуба поп народу раздает на благословление”².

Но главное состоит в том, что в есенинском стихотворении не небесная сила питает силу земную, а наоборот. В 1921 году С. Григорьев истолковал его следующим образом: “Мистически, послед того, что мы пережили, речь может идти не о причащении тела и крови, хотя бы в образе хлеба и вина, а о чем-то ином, что опрокидывается в сознании поэта Есенина образом нищего голодного Бога. Пускай Господь еще раз **сам** поотведает черной мужицкой выти, не мы, а Бог. Пусть снова причастится нашей доле. [...] Дед-то обмишулился, но опрокинутая восторгом перед раскрытым бытием душа поэта также требует от Бога приобщенья нам под видом хлеба. О вине поэт мудро умалчивает. Голгофа потускнела для нас в своем двухтысячелетнем величии. Живой, ядущий Бог способен только воскресить нашу веру. Но это будет христианская ли вера: хлеб есть Божья пища. Если раньше мужики говорили “Стол – Божья ладонь”, то теперь мы Богу протягиваем на своей заскорузлой ладони новое причастие: черную (*так в тексте – И.М.*), пропитанную кровью и потом выть”³.

Отсюда становятся понятными и другие странные смысловые ходы в ранних стихах Есенина, которые внешне как будто вполне укладываются в рамки христианско-церковной символики, но внутренне таят совершенно иной смысл. Не случайно лирический герой Есенина видит особым, мистическим зрением “под пеньком – голодного Спаса”, накормить которого по общей логике есенинской лирики некому, кроме мужика. А в стихотворении “Не ветры осыпают пуши...” Богоматерь “в просиничном плате” (метафора неба-покрова) несет на руках “пречистого сына”:

Я вижу – в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
“Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста”.

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

(“Не ветры осытают пуци...”, 1914)

Внешне здесь видится намек на церковный догмат о Втором пришествии, но на самом деле речь идет о вторичном воплощении Христа в человека и о его вторичном же распятии. Причем “каждый странник” есть в некотором роде Христос, “помазуемый Богом”. Возможность мыслить этот мир “раем” заключается не только в нисхождении Христа в земной мир, но и в способности человека самому стать Христом. Поэтому не исключено, что Христос может встретиться в образе голодного прохожего, “зоряющего и полднюющего у куста”:

И, может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

В лирике периода “Радунницы” Христос в ипостаси странника скрыто уподоблен лирическому герою Есенина. Более того, это уподобление распространялось прежде всего на мужика, на крестьянина — как в стихотворении “Шел господь пыгать людей в любви...”. Подобное восприятие Христа близко хлыстовским воззрениям. Упоминание о хлыстах здесь не случайно, если вспомнить о тесном общении Есенина с Клюевым, который в юности не только общался с хлыстами, но и, по его собственному признанию, был “два года царем Давидом большого Золотого Корабля белых голубей-хлыстов”. Клюев вспоминал, как в юности некий “старец с Афона” укорял его, что “нужно во Христа облечься, Христовым хлебом стать и самому Христом быть”⁴. Возможно, Есенину была знакомы такие достаточно известные исследования, как книга В.В.Розанова “Апокалиптические секты (хлысты и скопцы)”, вышедшая в 1914 году, или И.Г.Айвазова “Материалы для исследования русских мистических сект”, посвященная так называемой “христовщине” (1915)⁵.

А.Эткинд, характеризуя хлыстовство, писал: “Догматическим содержанием хлыстовской веры была идея множественного воплощения Христа и представление о доступности личного отождествления с Богом”. И в качестве иллюстрации цитировал слова “скопца и камергера” Алексея Елецкого о том, что “следует каждому не довольно верую, но и житием вообразить в себе Христа и в Христа вообразиться”. Здесь, по точному замечанию исследователя, нарушалась “критически важная граница между подражанием Христу и отождествлением с ним”⁶.

В русской поэзии начала XX века к этой “критически важной границе” вплотную подошел Блок. Внимание Есенина наверняка должно было остановить отождествление себя с Христом в известном блоковском стихотворении “Когда в листе сырой и ржавой. . .” из цикла “Осенняя любовь” (1907). Во всяком случае, Клюев в раннюю пору своего знакомства с Блоком чутко ощутил близость многих мотивов его лирики второго тома с духовными песнопениями русских сектантов. В письме к Блоку он характеризовал его творчество при помощи чисто хлыстовской фразеологии – как “символ голубиной чистоты и Духа высоты” – и цитировал в числе других именно это блоковское стихотворение⁷. И хотя в процитированной выше монографии А.Эткинда проблеме Блока и русского сектантства посвящена целая глава, стоит специально отметить, что Блок этой границы не переступил.

Наконец, Есенин, по-видимому, рано познакомился с романом Андрея Белого “Серебряный голубь”, в которой изображалась таинственная секта “голубей”. Во всяком случае, в 1922 году он признавался в письме к Иванову-Разумнику: “С тоски перечитывал “Серебряного голубя”. Боже, до чего все-таки изумительная вещь” (6,132). Перечитывать Есенин мог только то, что поразило его при первом чтении. Отзвук внимательного знакомства с романом Белого мы находим в “Ключах Марии”, где Есенин пишет о “нечистых лужах сектанства, вроде охтенских богородиц или белых голубей” (7,5,201).

Как указывал А.В.Лавров, Белый активно протестовал против идентификации секты “голубей” из его романа с хлыстами, подчеркивая в предисловии к отдельному изданию, что “голубей, изображенных

мною, как секты не существует”⁸. Возможно, поэтому комментаторы академического собрания сочинений Есенина склонны считать, что в “Ключах Марии” Есенин имел в виду скопческую секту “голубей”, о которой ему мог рассказать Клюев (5, 477). Но скопцами Есенин, судя по всему, не интересовался, а вот сходства “голубей” из романа Белого с реальными хлыстами не заметить не мог. Вопрос в том, как преломилось сектантское отождествление себя с Христом в “маленьких” поэмах и насколько Есенин переступил для себя “кригически важную границу”.

Поскольку в ранней лирике Есенина Русь имеет устойчивые “богородичные” коннотации (“Русь-Приснодева”), то и его лирический герой, воспринимая себя как сына Руси, обнаруживает коннотации “иисусные”. В лирике периода “Радуницы” это сказалось в сюжете “странничества”. В одном из стихотворений 1917 года Иисус изображен “кудрявым и желторусым” отроком, который, придя на берег вод учиться у водных “тварей” уму-разуму, слышит в ответ:

“Уж ты, чадо, мило дитятко, Христос,
Мы пришли к тебе с поклоном на допрос.

Ты иди учишь в пустынях да лесах;
Наша тайна отразилась в небесах”.

(“Не от холода рябинушка дрожит...”, 1917)

Но в том же году он пишет стихотворение, лирический герой которого оказывается посвященным в ту же тайну, что и Христос:

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

(“О пашни, пашни, пашни...”, 1917)

Так что цвет волос отрока-Христа совсем не случайно оказывается “желторусым”, как и цвет волос лирического героя Есенина.

Более сложный и менее прямой случай подобного уподобления находим в стихотворении “О Русь, взмахни крылами...”. Алексея Кольцова Есенин изображает с “пастушеским рожком” в руках, который “выз-

вездило небо”. Совершенно очевидно, что этот “рожок” в своей “небесной” трансформации является месяцем, тем более что в русских пословицах месяц устойчиво ассоциируется с пастухом, а звезда со стадом⁹.

Но еще годом раньше Есенин пишет стихотворную притчу о том, как Божья мать испекла сыну колоб и положила ему в ясли. Младенец-Христос уронил колоб на солому, а тот выкатился в небо месяцем:

Говорила Божья Матерь сыну

Советы:

Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки,
Чада.

Хоть одну малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных

Перелеснц.

Назвала я это колоб —
Месяц.

(“То не тучи бродят за овином...”, 1916)

Логика этого стихотворения говорит, во-первых, о том, что все “человеки” для Богоматери — “чада”, то есть “христы”, а, во-вторых, месяц-колоб является атрибутом Христа, как месяц-рожок — атрибутом райского “пастуха” Алексея Кольцова. Хотя, разумеется, связь эта носит глубинный, скрытый и скорее всего для самого Есенина неосознанный характер.

Если можно справедливо сомневаться в том, был ли Есенин начитан в литературе о хлыстах, то совершенно определенно можно утверждать, что он был знаком с учением одной из хлыстовских сект, о которой прямо упоминает в статье “Ключи Марии”, поясняя смысл ее названия: “Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу” (186). Разумеется, у Есенина могли быть какие-то устные источники све-

дений об этой секте, но он вполне мог держать в руках “Настольную книгу священнослужителя” о.С.В.Булгакова, давшего сжатое описание учения “шалопутов”, то есть “людей шального пути”:

“Шалопуты не признают бытия Бога, как ипостаси, как лица. Божество, по их учению, наполняя собою все существующее, вселяется в некоторых людей или для постоянного, или для временного пребывания [. . .]. Переселение божества в плоть человека началось с Моисея, продолжается и поныне. После Моисея божество переселилось в Иисуса Навина, а затем, переселяясь то в одну, то в другую плоть, вошло в Иисуса Христа. Он был, по учению сектантов, простой человек. Дева Мария научила его правильно веровать в Бога и благочестивой жизни. После этого он 40 дней постился, это значит – распял свою плоть, и тогда уже в него вселилось божество и он воскрес, т.е. сделался праведником”. По воззрениям шалопутов, число переселений Бога в плоть конечно, и при последнем праведнике наступит “кончина мира, которая будет состоять в прекращении зла и господстве добра”¹⁰.

Ощущение “божества” внутри себя присуще лирическому герою Есенина, во всяком случае он имеет своим скрытым двойником Христа. Вот почему в лирике Есенина 1910-х годов прослеживаются совершенно особые, личные отношения с Богородицею. Но это уже тема отдельного исследования.

Примечания

¹ Все ссылки на тексты С.Есенина даются по изд.: Есенин Сергей. Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т.1-7 / Глав. ред. Ю.Л.Прокушев. М.,1995-2000.

² Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Науч. ред. В.Я.Петрухин и др. М., 1995. С.170.

³ Григорьев С. Пророки и предтечи последнего завета. – М., 1921. С.19.

⁴ Цит по: Азадовский К. Николай Клюев. Путь поэта. - Л., 1990. С.28-29.

⁵ См. Розанов В.В. Апокалиптические секты (Хлысты и скопцы). СПб.,1914; Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Вып.1. Христовщина. М.,1915.

⁶ Эткин А. Хлысты. Секты, литература и революция. – М.,1998. – С.49-50.

⁷ Письма Н.А.Клюева к Блоку / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М.Азадовского // Литературное наследство. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.4./ Отв. ред. И.С.Зильберштейн, Л.М.Прозенблюм. М.,1987. С.427.

⁸ Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М.,1995. С.285-286.

⁹ Пословицы русского народа. Сборник В.И.Даля / Предисл. В.Чичерова. М.,1957. С.949.

¹⁰ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителя. Т.2. М.-СПб,1993 [Репринтное воспроизведение издания 1913 г.]. С.1674-1675.